

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.39.72.027

Судебная система и борьба с бандитизмом в довоенный период советского государства: организационно-правовой аспект

Максимов Павел Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии, Краснодарский университет МВД России,
350005, Российская Федерация, Краснодар, Ярославская, 128;
e-mail: paul.max.81@rambler.ru

Аннотация

В статье выявляются и с организационно-правовой точки зрения раскрываются основные тенденции функционирования судебной системы советского государства в довоенный период применительно к сфере борьбы с преступностью в целом и бандитизмом в частности. Анализируются соответствующие политико-правовые акты, судебные документы, научные труды по исследуемой проблематике. Отмечается, что после 1922 г., когда миновал революционный кризис и революционные трибуналы были упразднены, народные суды получили возможность более объективно, хотя и при противоречивой судебной практике, рассматривать дела о бандитизме, а в 1930-е гг. Благодаря судебным процедурам народные суды некоторым образом способствовали уменьшению масштабов политических репрессий. Можно отметить, что судебная система советского государства довоенного периода, являясь одним из звеньев государственного механизма, осуществляла, в рамках установленных полномочий для судебных органов, функции по борьбе с преступностью, включая бандитизм. Однако, несмотря на то что бандитизм в целом эволюционировал от политического к уголовному, что предполагало более четко квалифицировать данное деяние, в судебной практике наблюдались разноречивые подходы, что можно объяснить неопределенностью самой внутренней политики советской власти по отношению к бандитизму как социально опасному явлению.

Для цитирования в научных исследованиях

Максимов П.В. Судебная система и борьба с бандитизмом в довоенный период советского государства: организационно-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 11А. С. 197-206. DOI: 10.34670/AR.2021.39.72.027

Ключевые слова

Бандитизм, революционные трибуналы, народные суды, прокуратура, народный комиссариат юстиции, Гражданская война.

Введение

После октябрьской революции 1917 г. для советской власти одной из важнейших проблем стала борьба с бандитизмом. К тому времени масштабы этого социально опасного явления были значительно расширены. Это обуславливалось прежде всего тем, что на территории России одновременно оказались почти семь миллионов вооруженных людей – военнослужащих, мобилизованных на Первую мировую войну, и это при том, что цели участия России в войне многим военнослужащим были непонятны. И на этом фоне после февральской революции 1917 г., особенно после известного приказа Петросовета № 1 от 1 марта 1917 г., активизировался процесс разложения армии, резко возросло число дезертиров, многие из которых, имея оружие, стали промышлять вооруженными нападениями. В литературе отмечается, что среди военнослужащих «массовыми явлениями стали ... грабежи, пьянство и убийства» [Бесчестнова, 2018, 302]. А дезертиров насчитывалось уже более полутора миллионов [Галин, 2004, 16]. К этому нужно добавить начавшееся жесткое политическое противостояние большевиков и иных структур, желавших встать у руля управления государством. После октября 1917 г., когда большевики взяли власть в свои руки, очень скоро началась кровопролитная Гражданская война. В этих условиях советской власти пришлось принимать чрезвычайные меры для пресечения бандитских нападений, в том числе была создана ВЧК с огромными полномочиями [Упов, 2000, 169].

Основная часть

Тем не менее, большевики, выполняя программные положения, настраивались на создание своего социалистического правосудия. И уже 22 ноября 1917 г. был принят первый известный советский закон о суде (Декрет о суде № 1), которым упразднились все ранее действующие суды императорской России, и вместо них должны были создаваться другие суды – «суды, образуемые на основании демократических выборов». В данном законе нас интересует п. 8, в соответствии с которым предписывалось: «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы». Указывалось, что председателей и заседателей ревтрибуналов должны были избирать губернские или городские Советы. Поэтому в сфере борьбы с бандитизмом судебные органы имели важную роль, то есть даже в самые революционно-напряженные дни вопрос о судах определялся как обязательный, поскольку именно революционные трибуналы должны были выносить приговоры обвиняемым в совершении преступлений, в том числе в бандитизме. И в этом смысле революционные трибуналы занимали следующее за чрезвычайными комиссиями место в иерархии значимости в деле борьбы с бандитизмом, поскольку каждый выявляемый акт бандитизма должен был иметь судебный акт (приговор). И хотя в определенный период развития революционной ситуации (в основном это 1918 год) чрезвычайные комиссии брали на себя судебные функции (по наиболее тяжким преступлениям), в целом на бандитов налагались наказания за совершенные вооруженные нападения именно в революционных трибуналах, в связи с чем можно говорить о том, что ревтрибуналы, как и ЧК, исполняли функцию борьбы с бандитизмом на регулярной основе.

Революционные трибуналы как судебные органы имели определенное правовое регулирование, в довольно короткий промежуток времени (1919-1922гг.) были приняты

несколько законов, определявших их статус, полномочия, юрисдикцию и т.д. – эти и другие аспекты применительно к сфере борьбы с бандитизмом раскрыты автором в одной из работ [Максимов, 2016]. Соответственно наше внимание концентрируется на последующих этапах развития судебной системы и уголовного судопроизводства довоенного периода во взаимосвязи с борьбой с бандитизмом. В этой связи следует отметить, что по окончании Гражданской войны необходимость в революционных трибуналах отпала, и они были формально упразднены (1922 г.). К тому же времени уже было принято второе (1920г.) Положение о народном суде РСФСР, где в ст. 4 указывалось, в частности, что народным судам «подсудны все уголовные дела». В литературе отмечается, что определение «народный» к новым судам было «призвано замаскировать классовый характер нового суда и нивелировать излишнюю революционность местных работников, воспринимавших суд как прямое средство расправы представителей победившего класса со всеми недовольными» [Крыжан, 2020, 8]. Однако такое утверждение представляется все же излишне категоричным – да, в Положении оставался, например, принцип «революционного (социалистического) правосознания» (при отсутствии необходимых законов), но не забудем, что ревтрибуналы были чрезвычайными судебными органами, где допущение защиты и обвинения не было обязательным, допускалось отступление от общих правил подсудности [Кодинцев, Шкаревский, 2019, 32], в то время как в народных судах провозглашались, в абсолютном большинстве случаев, общепризнанные принципы правосудия, в частности, в том же Положении согласно ст. 47 назначение защитника было обязательным, если об этом просил обвиняемый, находящийся под стражей, а учитывая, что обвиняемые в бандитизме, как правило, арестовывались, то, соответственно, они имели право на защитника, чего не могли требовать при рассмотрении дел в ревтрибуналах (в период действия одновременно ревтрибуналов и народных судов, то есть, в 1920-1922 гг., согласно ст. 4 такие дела могли рассматриваться народными судами, если ревтрибунал передавал дело в эти инстанции).

Затем в рамках первой половины 1920-х гг. был принят еще ряд законов, регулирующий судебную деятельность, причем соответствующие нормы включались как в специальные законы, так и в иные, но так или иначе касавшиеся судов. Так, в первом УК РСФСР 1922 г., наряду с тем, что было сформулировано понятие бандитизма (ст. 76), указывались также и элементы судопроизводства в ст. 9: «Назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей настоящего кодекса». Этой же задаче служила и статья 10, устанавливавшая принцип вынесения наказания по аналогии, что было присуще советскому праву того времени [Рассказов, Упоров, 1999, 52]. Еще в ходе обсуждения кодекса на IV сессии ВЦИК, нарком юстиции Д.И. Курский объяснял целесообразность принципа аналогии необходимостью «властно вмешиваться Суду, чтобы парализовать опасные явления, а не дожидаться пока будут декретированы нормы» [Бюллетень III сессии ВЦИК IX созыва, 1922, 15].

В контексте исследуемой проблематики представляется важным отметить утверждение в 1922 г. Положения о судостроительстве РСФСР», где ревтрибуналы уже не предусматривались. Данное Положение, в свою очередь, повлекло за собой изменения в недавно принятых кодексах. Так, УПК РСФСР от 25 мая 1922 г. пришлось менять менее чем через год, когда 15 февраля 1923 г. ВЦИК утвердил новый УПК РСФСР. А 31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял «Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик». В итоге, УПК и «Основы» установили в стране единый порядок судопроизводства. Таким образом, к середине 1920-х гг. система юстиции, в целом, была выстроена. При анализе этих актов в литературе отмечается, что «специфика судебной модели в первую очередь характеризовалась строгой

иерархичностью, напоминая типичную административно-политическую структуру» [Турицын, Дубинин, 2013, 118]. Однако нельзя не признать, что указанные акты при этом способствовали началу легализации судебной деятельности в стране [Тресков, 2020], в том числе это касается большей, чем ранее, гарантированности прав обвиняемых и подсудимых.

Если иметь взаимосвязь судебных органов и борьбы с бандитизмом, то в целом 1920-е гг. были ознаменованы тем, что бандитизм все же не получал должного внимания органов юстиции, причем как судов, прокуратуры, так и пенитенциарной системы. По существу, этот преступный состав, предусматривавший применение высшей меры, оказался на периферии внимания. Лишь в исключительных случаях резонансных преступлений банд, скорее для успокоения общественности, суды демонстративно выносили смертные приговоры, которые, по мнению уже известного к тому времени советского процессуалиста М.А. Чельцова-Бебутова, «могут скорее служить удовлетворению чувства той или другой общественной группы, взволнованной преступлением». Как следствие, это порождало распространение насильственной преступности (в том числе бандитизма), «легкого проламывания головы первому встречному» [Право и суд, 1925, 79]. Мы можем предположить, что такое положение складывалось в немалой степени потому, что с середины 1920-х, когда уже позади Гражданская война, когда создан СССР и принята первая союзная конституция (1924 г.), когда политические противники большевиков были разбиты или бежали за границу, актуальность борьбы с политическим бандитизмом заметно снизилась, поскольку «политических бандитов» стало меньше, и бандитизм как социально опасное явление стал характеризоваться уже не столько политической, сколько обычной уголовной составляющей, и борьба с бандитизмом все больше стала рассматриваться наряду с другими преступными явлениями.

Между тем к концу 1920-х гг. ситуация в стране стала меняться, в части функционирования судебных органов в том числе. Можно отметить, например, усиление значения НКЮ РСФСР, который ведал всей судебной деятельностью в РСФСР. Так, в 1929 г. через суды в РСФСР прошло около 2 млн. уголовных дел – в полтора раза больше, чем в предыдущем [Стельмахович, 1929, 521]. Внимание к системе юстиции возросло в связи с реорганизацией органов прокуратуры и Верховного суда. В частности, 3 июня 1929 г. было принято новое положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР, а 24 июля 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда Союза ССР. При этом на территории всего СССР была осуществлена передача следователей из судов в подчинение прокуратуры. На первый взгляд, НКЮ приобрел при этом особую роль по управлению судебной системой и наблюдению за законностью в целом. Однако далее произошло усиление значения других отдельных силовых и карательных ведомств. Так, с 1929 г. начался неуклонный процесс усиления роли прокуратуры, все более приобретающей самостоятельное значение. В рамках данной тенденции, в конечном счете, Прокуратура Верховного суда СССР была реорганизована в самостоятельную Прокуратуру СССР, превратившуюся в мощное централизованное надзорно-контрольное ведомство. Огромные полномочия предусматривались для ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР. К этому нужно добавить провозглашение известного сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в период строительства социализма.

На этом фоне некоторым образом менялось и отношение к бандитизму. Так, суды, по существу, прямо нацеливались на то, чтобы уголовные преступления насильственного характера, и в первую очередь бандитизм, в первую очередь рассматривать как политические, антисоветские акты. Особенно это относилось к сельской местности, где действия организованных вооруженных групп стали рассматриваться почти исключительно сквозь

призму организованного сопротивления кулацких антисоветских групп. Однако, несмотря на острую критику, качество рассмотрения явно политизируемых дел в таких случаях было столь низким, что, к примеру, Сибирский краевой суд и в 1930 г. был вынужден прекратить более половины судебных дел по преступлениям против государства, включая бандитизм, и поступивших на кассацию от народных судов [там же, 522]. Тем не менее, органы юстиции в меру своих сил пытались снизить уровень преступности. Так, чтобы остановить рост тяжкой преступности, в том числе бандитизма, органы юстиции пытались также совершенствовать систему превентивных мер, в частности, для лиц, ранее осужденных по статье бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР 1926 г.) и за ряд других тяжких преступлений, с 16-летнего возраста широко применялась ссылка на 3-10 лет («принудительное поселение в определенной местности»), причем, на место ссылки осужденный направлялся под конвоем [Турицын, Дубинин, 2013, 118].

В результате аналитической работы, проведенной непосредственно в Верховном суде РСФСР, судебным инстанциям на местах было указано: «Основными извращениями в работе судебных органов г. Москвы по делам о хулиганстве является ... неправильная квалификация по ст. 74 УК как бытовое хулиганство ... организованных нападений бандитского характера, совершаемых группами хулиганов с употреблением оружия, вплоть до терроризирования трудящихся масс данного предприятия, что должно рассматриваться как бандитизм по ст. 59-3 УК». Аналогичная квалификация предусматривалась для случаев хулиганства на производстве, сопровождавшихся поломкой оборудования, станков. Остро критикуя практику отказа от вынесения за хулиганство приговоров к реальным срокам лишения свободы (в Ленинградской области к лишению свободы приговаривались только 24% осужденных за злостное хулиганство) и прямо рекомендуя проведение показательных процессов, Верховный суд потребовал «не допускать квалификации по ст. 74 УК таких преступлений, которые направлены против политических и общественных мероприятий, совершаемых группами хулиганов, или преступлений, связанных с избиением ударников, общественников и активистов ... Случаи организованных групповых нападений на трудящихся, особенно при применении оружия должны квалифицироваться по составу бандитизма, т.е. по ст.59-3 УК».

Как видно, в середине 1930-х гг. наблюдается определенная метаморфоза в отношении судебных властей к бандитизму. Если ранее, в период революционного кризиса, и затем к концу 1920-х гг., бандитизм ассоциировался с вооруженными нападениями политических противников большевиков, то есть явно довлела политико-контрреволюционная составляющая, то сейчас, когда бандитизм стал в основном уголовным, советская власть в целях более эффективной борьбы с насильственной преступностью стала настраивать следователей и судей на более активную квалификацию насильственных действий (при схожих признаках) как бандитизм. В этом тоже можно усмотреть определенную политику, но уже не внешнего, а внутреннего характера, связанную, в частности, с ужесточением уголовных наказаний (например, в 1937 г. срок наказания в виде лишения свободы был увеличен с 10 до 25 лет) [Упоров, 2000, 36]. В практике, однако, качество расследования оставалось низким как с точки зрения его техники, так и с точки зрения способов обнаружения действительной картины совершенного. Важнейшим средством преодоления такого рода недостатков виделась более тщательная предварительная работа, благодаря чему нередко «бандитизм, найденный следователями, после рассмотрения дел в подготовительном заседании, превращается в обыкновенное убийство (7%), в разбойное нападение (14,3%), в хулиганство и сопротивление власти (5,2%), в хищения соцсобственности (9,1%) и т.д.». Вероятно, следователи, получив указания НКЮ РСФСР, слишком рьяно стали выискивать признаки бандитизма при совершении хулиганства, разбоев и других насильственных преступлений, что и послужило

причиной критических замечаний в указанном выше Постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР.

Помимо ошибок при квалификации бандитизма, имели место и факты откровенного самоуправства и произвола при вынесении судебных решений. К примеру, «в Махач-Калинском р-не судьей работал некто Усманов, взяточник и разложившийся элемент, оправдывавший почти всех скотоконокрадов. Бандитам-скотоконокрадам, которые на суде открыто признавали свою вину, он выносил оправдательный приговор, мотивируя это тем, что «обвиняемые, находясь под стражей, исправились (до суда)» [К итогам чистки..., 1935, 40]. Разумеется, такие факты не способствовали повышению авторитета судов, росту доверия к их решениям.

В целом же в 1930-е гг. руководящими судебными органами так и не было определено четких критериев при квалификации преступных деяний, содержащих признаки бандитизма. В результате следственно-судебная практика была весьма противоречивой. На наш взгляд, это во многом обуславливалось как раз нечеткостью самой внутренней политики власти по отношению к насильственной преступности. В результате имели место многочисленные противоречия в практике. К примеру, осенью 1935 г. «выездная сессия Горьковского краевого суда рассматривала дело по обвинению бр. Борисовых в убийстве двух активистов Артамонова и Митрошкина. Из материалов предварительного следствия видно, что обвиняемым Борисовым было предъявлено обвинение по ст. 58-8 УК в совершении убийства из классовой мести. Однако впоследствии это преступление было почему-то переклассифицировано на бандитизм (ст. 59-3 УК), хотя такая квалификация совершенно не вытекала из обстоятельств дела. Подготовительное заседание санкционировало эту квалификацию, а приговор суда переклассифицировал преступления подсудимых на ст. 136 УК» [За высокое качество кассационной работы, 1936, 25]. «Политическое», с точки зрения надзорных инстанций, дело было превращено в убийство «по бытовым мотивам». Как следствие, в результате протеста заместителя председателя Верховного суда РСФСР, Президиум в заседаниях 13-14 февраля 1936 г. постановил отменить приговор Горьковского краевого суда от 24.10.35 г. ввиду того, что, хотя предварительное следствие вначале совершенно правильно квалифицировало преступление по ст.58-8, начальник районного отделения НКВД ошибочно «смазал» его, сведя к ст. 59-3. В итоге дело было направлено на новое рассмотрение, а от председательствующего в краевом суде затребованы объяснения «по поводу допущенной им политической ошибки». Показательно и то, что при этом Президиум Верховного суда РСФСР активно боролся также против неправильной и неосновательной квалификации по ст. 59-3 УК преступлений меньшей тяжести, таких, которые «по своей социальной опасности, по личности подсудимых и т.п. не могут рассматриваться как бандитизм» [там же, 25].

Полагаем, что указанным неправильным квалификациям, в известной степени, способствовала и достигшие своего апогея (1937 г.) политические репрессии, во всех подробностях описанные в литературе. Очевидно, свою негативную роль, и прежде всего с точки зрения психологического влияния на следователей, прокуроров и судей, имел известный закон от 1 декабря 1934 г., связанный с убийством Кирова, когда обвиняемым в терактах отказывали в защите, срок следствия не должен был превышать 10 дней, приговоры к смертной казни не могли быть обжалованы и приводились в исполнение немедленно.

Некоторое снижение масштабов террора в отношении «врагов народа» было обеспечено решениями январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б), осудившего очередные «перегибы». Во исполнение Постановления Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 7 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» приказом наркома внутренних дел СССР от 26 ноября 1938 г. были упразднены «тройки» и «двойки» НКВД. Дела по «контрреволюционным

преступлениям», в разряд которых нередко попадали и дела с признаками обычного уголовного бандитизма, стали направляться в суды, которые, на наш взгляд, объективно, прежде всего за счет законных судебных процедур, некоторым образом сдерживали масштабы репрессий. Тем не менее, в качественном плане говорить о точном соблюдении норм законности, в том числе, о сколько-нибудь полной ясности в расследовании и судебном рассмотрении дел, квалифицируемых по статье бандитизм (ст.59-3 УК РСФСР) не представляется возможным. Должной упорядоченности в рассмотрении таких дел все же не существовало. Поэтому в решениях судов по этим категориям дел мы можем наблюдать явную пестроту, а также практику постоянных кассаций.

Впрочем, в содержательном плане, решения Верховного суда РСФСР по таким делам не отличались новизной и оригинальностью. К примеру, в Постановлениях Пленума Верховного суда СССР за период 25 апреля – 3 мая 1939 г. можно встретить очередное типичное указание на «неправильное применение статьи УК о бандитизме» – на этот раз в деле Карухнишвили, Квиникадзе, Мухаладзе и Гвелисиани, осужденных линейным судом Ашхабадской ж.д. по ст. 78 УК Узбекской ССР (бандитизм) к 10 годам лишения свободы каждый. Транспортная коллегия приговор оставила в силе. Однако Пленум Верховного суда СССР, в своем Постановлении от 26 апреля 1939 г. указал, что «суд неправильно квалифицировал действия осужденных по ст. 78 УК Узбекской ССР, поскольку по делу установлен единичный случай ограбления» [Шейнин. Шавер, 1940, 65]. Поэтому эти действия предлагалось квалифицировать как грабеж, и срок приговора снижался с 10 лет лишения свободы до 5 лет [там же].

Заключение

Подытоживая, можно отметить, что судебная система советского государства довоенного периода, являясь одним из звеньев государственного механизма, осуществляла, в рамках установленных полномочий для судебных органов, функции по борьбе с преступностью, включая бандитизм. На начальном этапе (до 1922 г.) в этой сфере судебную систему представляли революционные трибуналы, которые можно считать чрезвычайным институтом судебной власти, где рассмотрение дел о бандитизме было предельно политизировано и при минимуме процессуальных прав обвиняемых и подсудимых. В дальнейшем, по минованию революционного кризиса, были сформированы народные суды, получившие к середине 1920-х гг. комплексное правовое регулирование на основе общепризнанных принципов уголовного судопроизводства, которые и рассматривали дела о бандитизме. Однако несмотря на то, что бандитизм в целом эволюционировал от политического к уголовному, что предполагало более четко квалифицировать данное деяние, в судебной практике наблюдались разноречивые подходы, что можно объяснить неопределенностью самой внутренней политики советской власти по отношению к бандитизму как социально опасному явлению.

Библиография

1. Бесчестнова Е.В. Развал Русской императорской армии в 1917 году // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 299-317.
2. Бюллетень III сессии ВЦИК IX созыва. 1922. № 4. С. 15-16.
3. Галин В.В. Интервенция и гражданская война. М.: Алгоритм, 2004. 605 с.
4. Декрет ВЦИК РСФСР от 21.10. 1920 г. «Положение о народном суде РСФСР».
5. Декрет о суде № 1 (принят Постановлением СНК от 22.11. 1917 г.).
6. За высокое качество кассационной работы // Советская юстиция. 1936. № 17. С. 23-27.
7. К итогам чистки парторганизации НКЮ // За социалистическую законность. 1935. № 1. С. 40-42.

8. Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции советского государства как инструмент защиты власти // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 59. С. 29-40.
9. Крыжан А.В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и соц. науки. 2020. № 5. С. 5-15.
10. Максимов П.В. Эволюция революционных трибуналов Советского государства и борьба с политическим бандитизмом (1917-1922 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 3. С. 196-204.
11. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.).
12. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР».
13. Постановление президиума Верховного Суда РСФСР от 14.02. 1935 г. «О результатах обследования работы нарсудов г. Москвы и Московского городского суда по делам о хулиганстве».
14. Постановление ЦИК СССР от 19.10. 1924 г. «От утверждении Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик».
15. Право и суд. 1925. № 1 (3). С. 79-80.
16. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. Краснодар, 1999. 182 с.
17. Стельмахович А. Судебное строительство в переходный период к социализму // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 23. С. 521-524.
18. Тресков А.П. Советский период легализации принципов судебной власти в России // Российский судья. 2020. № 1. С. 52-59.
19. Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях НЭПА (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. С. 112-127.
20. Упоров И.В. Институт уголовного наказания в советском государстве начального периода // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 169.
21. Упоров И.В. Развитие наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.
22. Шейнин Л., Шавер Б. Дела и люди // Социалистическая законность. 1940. № 3. С. 63-68.

Judicial System and the Fight against Banditry in the Pre-War Period of the Soviet State: Organizational and Legal Aspect

Pavel V. Maksimov

PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350005, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: paul.max.81@rambler.ru

Abstract

The article identifies and from the organizational and legal point of view reveals the main trends in the functioning of the judicial system of the Soviet state in relation to the field of combating crime in the double USSR. The corresponding political and legal acts, court documents, scientific works on the studied problem are analyzed. It is noted that after 1922, when the revolutionary crisis passed and the revolutionary tribunals were abolished, the people's courts got the opportunity to more objectively, albeit with conflicting judicial practice, to consider cases of banditry, and in the 1930s. through judicial procedures, the people's courts helped in some way to reduce the extent of political repression. Through judicial procedures, the people's courts have in some way contributed to reducing the scale of political repression. It can be noted that the judicial system of the Soviet state of the pre-war period, being one of the links of the state mechanism, carried out, within the established powers for the judiciary, the functions of combating crime, including banditry. However,

Pavel V. Maksimov

despite the fact that banditry as a whole evolved from political to criminal, which meant that this act was more clearly qualified, conflicting approaches were observed in judicial practice, which can be explained by the uncertainty of the internal policy of the Soviet government in relation to banditry as a socially dangerous phenomenon.

For citation

Maksimov P.V. (2021) Sudebnaya sistema i bor'ba s banditizmom v dovoennyi period sovetского gosudarstva: organizatsionno-pravovoi aspekt [Judicial System and the Fight against Banditry in the Pre-War Period of the Soviet State: Organizational and Legal Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (11A), pp. 197-206. DOI: 10.34670/AR.2021.39.72.027

Keywords

Banditry, revolutionary tribunals, people's courts, prosecutor's office, people's commissariat of justice, Civil war.

References

1. Beschestnova E.V. (2018) Razval Russkoi imperatorskoi armii v 1917 godu [The collapse of the Russian Imperial Army in 1917]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 17, 2, pp. 299-317.
2. (1922) *Byulleten' III sessii VTsIK IX sozyva* [Bulletin of the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the IX convocation], 4, pp. 15-16.
3. *Dekret o sude № 1 (prinyat Postanovleniem SNK ot 22.11. 1917 g.)* [Decree on the Court No. 1 (adopted by the Decree of the Council of People's Commissars of November 22, 1917)].
4. *Dekret VTsIK RSFSR ot 21.10. 1920 g. «Polozhenie o narodnom sude RSFSR»* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of October 21, 1920 "Regulations on the People's Court of the RSFSR"].
5. Galin V.V. (2004) *Interventsiya i grazhdanskaya voyna* [Intervention and civil war]. Moscow: Algoritm Publ.
6. (1935) K itogam chistki partorganizatsii NKYu [To the results of the purge of the party organization of the NCJ]. *Za sotsialisticheskuyu zakonnost'* [For socialist legitimacy], 1, pp. 40-42.
7. Kodintsev A. Ya., Shkarevskii D.N. (2019) Organy spetsial'noi yustitsii sovetского gosudarstva kak instrument zashchity vlasti [Bodies of special justice of the Soviet state as a tool for protecting power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. Series: History], 59, pp. 29-40.
8. Kryzhan A.V. (2020) Problemy organizatsii narodnogo suda kak elementa sistemy sovetской yustitsii [Problems of organizing a people's court as an element of the system of Soviet justice]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sots. nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social science], 5, pp. 5-15.
9. Maksimov P.V. (2016) Evolyutsiya revolyutsionnykh tribunalov Sovetskogo gosudarstva i bor'ba s politicheskim banditizmom (1917-1922 gg.) [The evolution of the revolutionary tribunals of the Soviet state and the fight against political banditry (1917-1922)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 3, pp. 196-204.
10. *Postanovlenie VTsIK ot 01.06.1922 «O vvedenii v deistvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.)* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 06/01/1922 "On the Enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R." (together with the Criminal Code R.S.F.S.R.)].
11. *Postanovlenie VTsIK ot 11.11.1922 g. «O vvedenii v deistvie Polozheniya o sudoustroistve RSFSR»* [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 11, 1922 "On the Enactment of the Regulations on the Judiciary of the RSFSR"].
12. *Postanovlenie prezidiuma Verkhovnogo Suda RSFSR ot 14.02. 1935 g. «O rezul'tatakh obsledovaniya raboty narsudov g. Moskvy i Moskovskogo gorodskogo suda po delam o khuliganstve»* [Decree of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR of 14.02. 1935 "On the results of a survey of the work of the People's Courts of Moscow and the Moscow City Court in cases of hooliganism"].
13. *Postanovlenie TsIK SSSR ot 19.10. 1924 g. «Ot utverzhdenii Osnov ugolovnogo sudoproizvodstva SSSR i soyuznykh respublik»* [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of 19.10. 1924 "From the approval of the Fundamentals of Criminal Proceedings of the USSR and the Union Republics"].
14. (1925) *Pravo i sud* [Law and court], 1 (3), pp. 79-80.
15. Rasskazov L.P., Uporov I.V. (1999) *Razvitie ugolovnogo i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v Rossii*

- [Development of criminal and criminal-executive legislation in Russia]. Krasnodar.
16. Sheinin L., Shaver B. (1940) Dela i lyudi [Cases and people]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 3, pp. 63-68.
 17. Stel'makhovich A. (1929) Sudebnoe stroitel'stvo v perekhodnyi period k sotsializmu [Judicial construction in the transition period to socialism]. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii* [Weekly Soviet Justice], 23, pp. 521-524.
 18. Treskov A.P. (2020) Sovetskii period legalizatsii printsipov sudebnoi vlasti v Rossii [Soviet period of legalization of the principles of the judiciary in Russia]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 1, pp. 52-59.
 19. Turitsyn I.V., Dubinin M.G. (2013) Osnovnye problemy realizatsii sovetskoi sudebnoi reformy v usloviyakh NEPA (1922-1925 gg.) [The main problems of the implementation of the Soviet judicial reform in the conditions of the New Economic Policy (1922-1925)]. In: *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought].
 20. Uporov I.V. (2000) Institut ugolovnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve nachal'nogo perioda [The Institute of Criminal Punishment in the Soviet State of the Initial Period]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 11, p. 169.
 21. Uporov I.V. (2000) Razvitie nakazaniya v pervye gody sovetskoi vlasti [The development of punishment in the first years of Soviet power]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 4, p. 36.
 22. (1936) Za vysokoe kachestvo kassatsionnoi raboty [For the high quality of the cassation work]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 17, pp. 23-27.